

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 21-го Декабря 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9569.

Телефонъ испорченъ.

(РАЗСКАЗЪ).

Маленькая и молодая жена нотариуса—госпожа Павчинская, шумно смѣясь и сбрасывая на ходу перчатки и шляпку, вѣжала къ своей пріятельницы въ спальню. Галя чувствовала себя съ утра скверно—и, несмотря на то, что наступилъ третій часъ дня, еще не приступала къ своему туалету; завернувшись въ шелковый пущистый плѣдъ, она лежала на широкой бархатной оттоманкѣ и почти скрывалась въ густой и черной медвѣжьей шкурѣ, которой было застлано ея ложе. При видѣ спѣшиности жены нотариуса и ея лица, сморщенного отъ напряженного смѣха, она немного приподнялась и недоумѣнно, съ легкимъ оттѣнкомъ испуга, старалась догадаться о причинахъ такого состоянія ея пріятельницы. Но ея недоумѣніе еще усилилось, такъ какъ госпожа Павчинская просто упала возлѣ нея, лицомъ въ мѣхъ, и хотела неудержимо тѣмъ смѣхомъ, какой рождается, помимо нашей воли, лишь при одномъ воспоминаніи о какой-нибудь забавной шуткѣ. Павчинская высоко подбрасывала свои ножки и колотила ими по мѣху такъ, какъ это дѣлаютъ расшалившіяся дѣти.

Изъ отрывистыхъ восклицаній въ короткіе перерывы смѣха Галя ничего не могла понять и рѣшилась терпѣливо ждать окончанія непонятнаго ей хохота. Она снова закуталась въ плѣдъ и приникла къ маленькой подушкѣ. Но когда хохотавшая нѣсколько успокоилась, съ раскрасневшимся лицомъ и заслезившими глазами, приступила къ изложению „въ чёмъ было дѣло“, то и Галя стала овладѣвать смѣхомъ.

Откашиваясь, кусая платокъ, прерываясь хохотомъ, госпожа Павчинская говорила:

— Ты, конечно, знаешь, что иногда настѣнщаетъ молодой актеръ Дымскій.

— Высокій, стройный?...

— Да. Съ лицомъ Бетховена...

— О, большіе волосы...

— Изящный и пылкій...

— Мимистъ отчаянній...

— Съ видомъ побѣдителя...

— Знаю, знаю,—загадочно улыбнулась Галя, и по ея хорошенькому лицу мелькнуло облачко неуловимыхъ воспоминаній.

— Такъ вотъ... Сегодня мой добрѣйший муженекъ тотчасъ же послѣ завтрака исчезъ на какое-то собраніе. Моя горничная давно у меня просилась уйти куда-то, и я ее отпустила. И только хотѣла было идти къ тебѣ, какъ пришелъ Дымскій. Онъ зашелъ совершенно случайно, увѣряю тебя. Ну... и... мы остались одни. Буквально—одни... Такое совпаденіе! Сѣли въ кабинетъ мужа. И Дымскій принялъ

К. С. Баранцевичъ.
По случаю исполнившагся сегодня 35-лѣтія
его литературной дѣятельности.

В. А. Гавскій,
избранный почетнымъ членомъ совѣта сѣзда горнопромышленниковъ Южной Россіи.

развлекать меня, изображая... моего мужа. Это у него выходило такъ мило, такъ естественно, что, закрывъ глаза,—госпожа Павчинская чуть призкрыла свои яркіе, свѣтлые глазки,—я будто-бы ощущала даже присутствіе супруга.*

— О, я узнаю Дымскаго!—воскликнула Галя.—И надѣюсь, что въ этотъ моментъ мужъ былъ само совершенство?

— Да... Однако... ты его знаешь...

— Слышала о немъ. Но продолжай.

— Точно не помню, какое изъ движений супруга изображалъ Дымскій, но я была такъ поглощена созерцаніемъ его, что... нѣсколько... забылась... И вдругъ,—Павчинская широко открыла глазки,—отчаяннѣйшій звонокъ у телефона. Я просто обмерла. Какое-то злое предчувствіе охватило меня. Между тѣмъ, онъ, Дымскій, поспѣшилъ и сердито, какъ это дѣлаетъ мой мужъ, когда его отрываютъ отъ занятій, подошелъ къ телефону и тономъ, опять таки мужа, спросилъ коротко:

— Здѣсь нотаріусъ Павчинскій. Чѣмъ могу служить?

— Его, очевидно, попросили повторить. Онъ повторилъ. И, какъ только повторилъ, тотчасъ же отскочилъ отъ телефона и, поблѣдѣвши, шепнуль мнѣ:—Твой мужъ спросилъ тебя.—Ты знаешь—мы, иногда, съ нимъ на ты,—поспѣшилъ замѣтила жена нотаріуса.

Галя утвердительно кивнула головой, почти спрятанной въ кружеvной чепчикѣ.

— Я не могла отъ испуга двинуть ни однимъ членомъ и сидѣла, а Дымскій стоялъ у телефона.

— Дальше, дальше. Это становится занятнымъ.

— Замѣшательство Дымскаго продолжалось одну секунду. Онъ быстро овладѣлъ собой и продолжалъ начатую роль.

— О, нахалъ,—съ изумленіемъ воскликнула Галя.

Дзы-дзы-дзы—(это говорить мой мужъ откуда-то). Затѣмъ ему угрожающе, тономъ обиженнаго супруга, отвѣчаетъ Дымскій:

— Милостивый государь, если кто изъ настѣнщаетъ, то это вы. Долженъ замѣтить, что ваша шутка изъ плохого сорта и можетъ для васъ окончиться печально...

— Дзы-дзы-дзы...

— Да, для васъ. Мой адресъ? Извольте: улица Пушкинская, домъ собственный, номеръ третій... Если угодно—квартира въ бель-этажѣ.

— Скажи ему, что ты находишься въ собственномъ кабинетѣ—шепнула я, мгновенно поддаваясь вспыхнувшему желанію принять участіе въ шуткѣ.

Галя сочувственно улыбнулась.

— Дзы-дзы-дзы...

— Телефонъ? № 324. Откуда говорю? Изъ собственного кабинета. Что? Что такое? А-а. Вы бранитесь, какъ извозчикъ. Плохой

знакъ. И я, нотаріусъ Павчинскій, никогда не дохожу до такой низости. Тѣмъ болѣе, что ваша брань говорить за не совсѣмъ счастливое ваше супружество. Неужели ваша жена въ такомъ сильномъ подозрѣніи у васъ? Ахъ бѣдный, бѣдный вы мужъ!

— Я, какъ во снѣ слушала эти дерзкія слова.
Галя хотѣла не менѣе сильно, чѣмъ ея приятельница, и просила повторить нравоученіе Дымскаго, скажанное имъ мужу Павчинской.

— А дальше?

— Дальше я вижу, какъ лицо Дымскаго снова блѣднѣѣтъ.

Онъ дрожитъ, испуганно взглядывая на меня, на телефонъ. Чго-то хотѣть сказать мнѣ, но кричать въ рукоять аппарата:

— Убирайтесь вы къ черту! Позжайте себѣ не только въ свой кабинетъ, а хотя на край свѣта. До свиданія! — Затѣмъ онъ отскочилъ отъ телефона и закричалъ, но уже собственнымъ голосомъ: — „Твой мужъ буде минуту дома“.

— А-я-я, — непрѣтворно ужаснулась Галя и даже приподнялась.

Госпожа Павчинская успокоительно махнула рукой.

— Не знаю, гдѣ у меня взялись силы, — продолжала она, — но я въ одну минуту исправила кое-какой беспорядокъ, учиненный Дымскимъ въ кабинетѣ, и слѣдила за проказникомъ. Нѣсколько мгновеній онъ задумчиво и возбужденно подбрасывалъ свои волосы. Погомъ, сияющій, воскликнулъ: — „Эврика!“ — Я тотчасъ же получаю пару поцѣлуевъ въ руку, послѣ чего онъ добавляетъ, направляясь уходить черезъ... кухню.

— Это ничего, — снисходительно встала Галя.

— ...и добавляетъ: — „Скажи ему, что телефонъ, моль, очевидно, испорченъ, такъ какъ здѣсь ничего не было слышно. И пусть онъ потребуетъ объясненій отъ телефонной станціи.

Вообще, пусть онъ хоть куда-нибудь обратится, какъ придется. Я ничего не поняла и ждала мужа съ волненіемъ, хотя дѣлала неимовѣрныя усиленія быть спокойной. Онъ не замедлилъ явиться. Горничная тоже успѣла возвратиться къ его приходу. Это было еще лучше. Еще изъ передней донесся его голосъ:

— Барыня дома?
— Дома-съ, — отчеканила горничная.

— Кто у нея?
— Никого-съ.

Молчаніе.

— Можетъ... быть кто?

— При этомъ вопросѣ у меня явилось желаніе разсердиться на него, — серъезно вставила жена нотаріуса.

— И слѣдовало бы, — поддержала подруга.

— Мужъ вошелъ въ кабинетъ, растерянный и возбужденный, какъ шель — въ пальто, въ перчаткахъ, и бросилась на меня одинъ изъ противнѣихъ взглядовъ нашихъ мужей: подозрѣвающій, выпытывающій и заранѣе осуждающій. Но я была сама невинность. Затѣмъ взглядъ направо, налево. Все въ порядкѣ. Я сижу съ какой-то книжкой. Стараюсь изумленно смотрѣть на него. Нѣсколько шаговъ, отсутствіе всякихъ признаковъ чужого присутствія, видимо, успокоило его. Онъ обращается ко мнѣ, но тонъ его сильно пониженъ:

— Представь себѣ, дорогая, я только что звонилъ къ тебѣ. Ну и...

— Ничего я не слышала. Ну и? — равнодушно допрашивала я.

— Мужской голосъ отвѣчалъ мнѣ. — Я удивилась. Онъ рассказалъ о разговорѣ съ Дымскимъ. Но, несмотря на видимое успокоеніе, я чувствовала, что у него еще было сомнѣніе относительно неисправности телефона, и онъ по временамъ бросаль вокругъ пытливые, осторожные взгляды. У

Г-жа Шабанова.

Предсѣдательница по организаціи 1-го женскаго съѣзда въ Петербургѣ.

Организаціонный комитетъ 1-го женскаго съѣзда въ Петербургѣ.

единенъ съ нами, узналь тебя и пошутилъ. Ты позвони на телефонную станцію. Чтонибудь да выяснишь. Онъ посмотрѣлъ на меня еще разъ испытующе, — это я чувствовала даже не глядя на него, — и пошелъ къ аппарату. И представь, Галя, въ этотъ моментъ я снова вспомнила фигуру Дымскаго, увидѣла поразительное сходство его прѣмовъ, копирующихъ мужа... Я чуть не задохнулась отъ приступа смѣха и чтобы сдержаться прикусила свою руку до крови.

Павчинская протянула Галѣ бѣленькую, тоненькую руку и указала на

Воскресенье, 21-го Декабря 1908 года.

Воскресенье, 21-го Декабря 1908 года.

Рабочій день Наполеона.

Создавшаяся обширная литература о Наполеонѣ недавно увеличилась мемуарами его секретаря, барона Фена. Фенъ многое годы работалъ въ одной комнатѣ съ Наполеономъ. Его наблюденія сдѣланы прямо съ натуры, и Наполеонъ обрисованъ имъ въ такой интимной обстановкѣ его рабочаго кабинета, въ какой его могъ видѣть только одинъ Фенъ.

Приводимъ изъ этой интересной книги свѣдѣнія о томъ, какъ проводилъ свой рабочій день этотъ величайшій изъ государственныхъ людей прошлаго вѣка.

Наполеонъ жилъ обыкновенно въ Тюльерійскомъ дворцѣ, занимая нѣсколько комнатъ въ нижнемъ этажѣ, которыя выходили окнами въ садъ.

Центромъ, гдѣ сосредоточивалось управление всей Франціей, былъ частный кабинетъ императора — небольшая комната съ огромнымъ столомъ посрединѣ. Наполеонъ выдумалъ для себя особый столъ, который вѣнчалъ видомъ чрезвычайно напоминаль корпуспъ скрипки.

Входить въ рабочій кабинетъ императора кому бы то ни было безусловно воспрещалось.

— Отыш... непремѣнно... такъ нельзѧ!

Госпожа Павчинская снова упала лицомъ въ мѣхъ и за болтала ногами. Но теперь къ ней присоединилась и ея приятельница. Долго онъ потѣшился надъ „испорченнымъ телефономъ“, наконецъ, жена нотаріуса поднялась.

— Необходимоѣхать домой, чтобы онъ не замѣтилъ моего отсутствія.

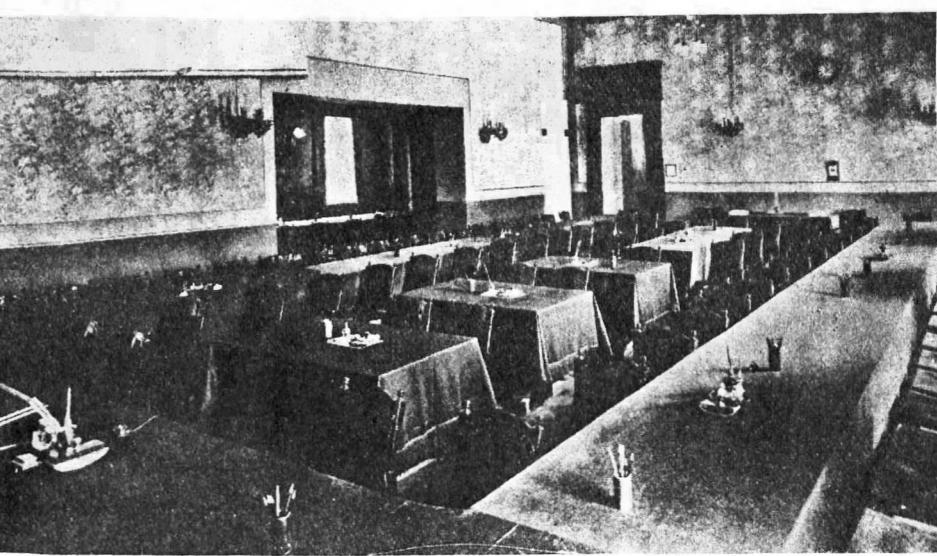
Она поспѣшила одѣться шляпку и на ходу натягивала перчатки. Ея маленькая, изящная фигура еще извивалась отъ смѣха, когда она уходила отъ Гали.

Галя — тоже жена нотаріуса, такъ же молода и бездѣтна, какъ и ея приятельница, — успокоившись, подумала и съ грустью произнесла:

— Да-а... Не всѣ такъ счастливы...
В. М.

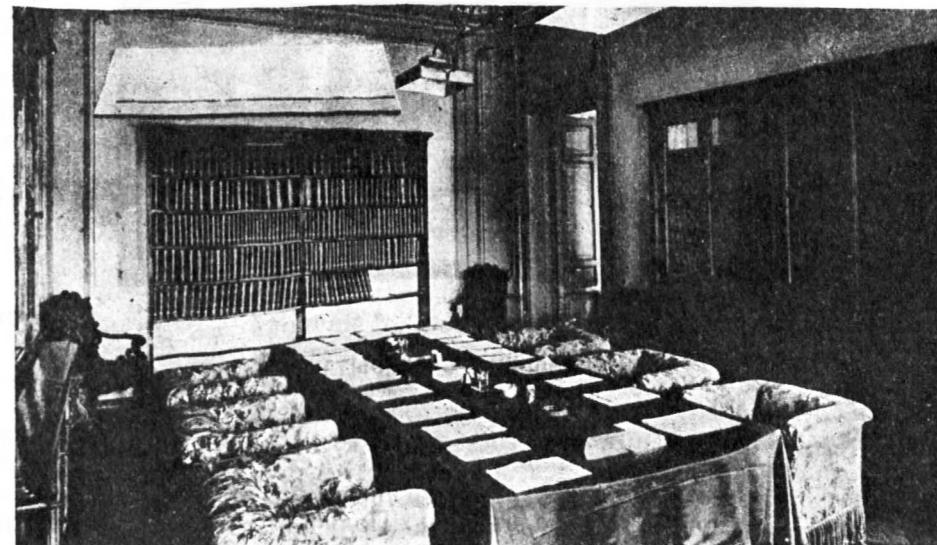
Совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.

Залъ засѣданій.

Кабинетъ для членовъ.

Библіотека.

императора онъ поднимался, стояль нѣсколько секундъ и молча садился на свое кресло.

Наполеонъ прежде всего направлялся къ своему рабочему столу, на которомъ уже лежала папка бумагъ съ надписью „къ подписанію“. Прежде чѣмъ подписать, Наполеонъ внимательно прочитывалъ всѣ бумаги, причемъ нерѣдко измѣнялъ ихъ редакцію. Послѣ этого онъ бросалъ ихъ на столь секретарю, который и отправлялъ ихъ по назначению. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Наполеонъ писалъ очень плохо и не любилъ держать въ рукахъ перо. Онъ обыкновенно такъ торопился, излагая на бумагѣ свои мысли, что не доканчивалъ не только отдельныхъ словъ, но и цѣлыхъ фразъ, и разбирать его письма было чрезвычайно трудно. Поэтому онъ предпочиталъ диктовать кому-нибудь свои письма, и даже Маріи-Луизѣ писалъ собственноручно очень рѣдко. Иногда дѣло доходило до того, что Наполеонъ приказывалъ секретарю подписьваться на официальныхъ бумагахъ его именемъ. Диктовалъ онъ обыкновенно, быстро ходя по комнатѣ, и то и дѣло подергивая плечомъ.

Покончивъ съ текущими дѣлами, императоръ приступалъ къ чтенію прошеній и писемъ, на которыхъ тутъ же диктовалъ отвѣты. Всѣ бумаги, на которыхъ отвѣты были про-диктованы, Наполеонъ, какъ ненужная, тутъ же бросалъ на полъ. Потомъ секретарь подбиралъ ихъ для того, чтобы провѣрить по нимъ имена и фамилии лицъ, которымъ онъ писалъ подъ диктовку.

Послѣ писемъ и прошеній, Наполеонъ знакомился съ рапортами министра полиціи, ежедневно докладывающаго императору о всемъ, что за истекшія сутки произошло во Франціи, начальника парижской полиціи, парижскаго коменданта и наконецъ начальника особой, лично оплачивающейся Наполеономъ, полиціи, которой давались императоромъ разныя специальные порученія.

Рядомъ съ полицейскими рапортами на столъ клался красный сафьяновый портфель, съ надписью: "Иностранныя газеты". На самомъ же дѣлѣ въ портфелѣ находились письма частныхъ лицъ, перехваченные чиновниками такъ называемаго "Чернаго кабинета". Кабинетъ этотъ, находившійся въ завѣдованіи особо довѣренаго адъютанта Наполеона, Лавалетта, представлялъ собою цѣлую химическую лабораторію, въ которой изыскивались способы вскрывать, не оставляя слѣдовъ, пакеты, проявлять всякаго рода симпатическая чернила и т. п. На обязанности чиновниковъ кабинета лежало изученіе всевозможныхъ системъ шифровки, различныхъ условныхъ знаковъ, мѣстныхъ прозвищъ и названий, для чего они командировались на казенный счетъ въ разныя мѣстности. Чтобы отвести обществу глаза, этимъ почтовымъ шпіонамъ давались какія-нибудь номинальные должности.

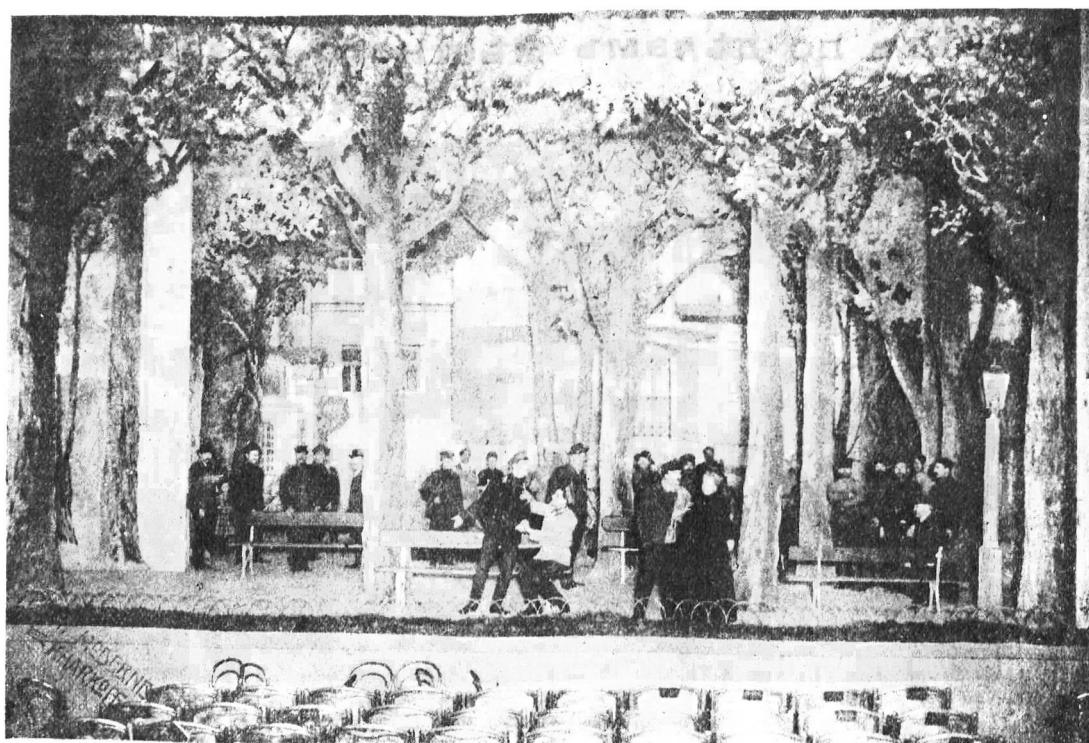
Наполеонъ тщательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣжалось во дворцѣ, и начальникъ дворцоваго управления долженъ былъ ежедневно представлять ему списки лицъ, посѣтившихъ наканунѣ дворецъ, съ точнымъ указаниемъ, кто у кого былъ и по какому дѣлу.

Въ 9 часовъ утра дежурный камергеръ слегка скребъ въ дверь ногтемъ,—знакъ, что императору пора выходить въ приемную.

Въ салонѣ Наполеонъ принималъ начальниковъ отдѣльныхъ отраслей дворцоваго управления, а также министровъ, если у нихъ были спѣшныя и важныя дѣла.

Дальнѣйшая работа продолжалась уже въ служебномъ кабинетѣ. Здѣсь, на особомъ столѣ, между прочимъ, лежали двѣ книги: одна кассовая, въ которую сводились смѣты всѣхъ государственныхъ доходовъ, другая заключала въ себѣ списокъ и, такъ сказать, текущій счетъ лицъ, которымъ императоръ выдавалъ денежныя награды или вспомоществованія.

Наполеонъ любилъ строгую отчетность, и провѣрка счетовъ доставляла ему большое удовольствіе. Проматривая отчетъ о дворцовыхъ расходахъ, онъ иногда обращался къ секретарю съ вопросомъ, сколько стоитъ фунтъ, положимъ, сахара, и

Сцена 2 го акта „Дни нашей жизни“,
въ Харьковскомъ драматическомъ театре.

(Со снимка фотографіи „Moderne“).

„Университетъ закрытъ“,
Картина В. И. Кузнецова.

сколько сахара можетъ пойти на одного человѣка въ день. Получивъ отвѣтъ, онъ производилъ провѣрку, и если полученная цифра подходила къ той, которая была указана въ соотвѣтствующей графѣ отчета, онъ успокаивался и продолжалъ провѣрку

далѣше. Если же между цифрами получалась значительная разница, тогда поднималась цѣлая буря; призывался соотвѣтствующій дворцовыи чинъ, начинались объясненія, новая провѣрки и т. д. до тѣхъ поръ, пока ошибка не выяснялась и не устраивалась изъ отчета.

Покончивъ съ дѣлами въ служебномъ кабинетѣ, императоръ садился завтракать. Тутъ являлись къ нему обыкновенно его дворцовыи архитекторъ, Фонтэнъ, съ докладомъ о разныхъ постройкахъ и передѣлкахъ, и библіотекарь, Барбье, со спис-

комъ новыхъ, поступившихъ въ библіотеку Наполеона, книгъ. Императоръ сортировалъ книги и болѣе рѣдкія и дорогія приказывалъ отправить въ Национальную библіотеку.

Задумывая походъ, императоръ нерѣдко приказывалъ своему библіотекарю составить для него походную библіотеку.

Въ отдѣлѣ исторіи подбирались всегда книги, касающіяся той страны, въ которую Наполеонъ имѣлъ въ виду вторгнуться. Такимъ образомъ, зная составъ походной библіотеки императора, можно было заранѣе угадать ходъ европейскихъ событий.

Воскресеніе предназначалось для официальныхъ представлений императору, а по средамъ, въ часъ, въ служебномъ кабинетѣ Наполеона собирался совѣтъ его министровъ. Каждый изъ нихъ докладывалъ дѣла по своему министерству, знакомя съ ними своихъ коллегъ. Очень часто въ этихъ засѣданіяхъ вырабатывался текстъ какого-нибудь декрета. Императоръ тщательно выслушивалъ дѣла и всегда старался устранить все неясное.

Гораздо продолжительнѣе были засѣданія такъ называемыхъ *conseil d'administration*, которые собирались три раза въ недѣлю. На этихъ засѣданіяхъ императоръ подробно разматривалъ одно какое-нибудь сложное дѣло или же цѣлый рядъ однородныхъ дѣлъ, вродѣ движенія суммъ по отдѣльнымъ отраслямъ управлениія.

Работа шла у него всегда частями. „Все начинать сразу,—говаривалъ Наполеонъ,—значить ничего никогда не кончать“.

